

Н. И. Кареев

Польский вопрос

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Н11

Н11 **Н. И. Кареев**
Польский вопрос / Н. И. Кареев – М.: Книга по Требованию, 2014. – 38 с.

ISBN 978-5-458-06114-8

Несколько слов по поводу этого письма; Нечто о русско-польском вопросе в нашей журналистике. Из журнала "Русская мысль" 1881 года.

ISBN 978-5-458-06114-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

цогство Варшавское и часть Литвы, не говорящія по-русски. Но такъ какъ это дѣло не административное и не правительственное, а народное и историческое въ высшемъ значеніи слова, то въ немъ не должно быть признаваемо никакое случайное различіе между людьми и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами въ счетъ крестьянскихъ единицъ, города причислены къ деревнямъ и т. п. Даже отсутствующіе могутъ быть допущены къ подачѣ голоса письменно въ той области, къ которой они желаютъ быть причтены. Голоса народные должны быть подаваемы на языкѣ народномъ: въ Польшѣ по-польски, въ Литвѣ по-литовски (совершенно непонятно для поляковъ), въ Галичѣ по-галицки (т. е. по-русски). Всякая область должна имѣть право приписаться или къ новой Польшѣ, или къ сосѣдней державѣ, или составить отдѣльную общину подъ покровительствомъ или безъ покровительства другой державы. То же право должно быть распространено на словянъ Лузаціи и Шлезіи; то же право можетъ быть распространено благороднымъ сеймомъ венгерскимъ на словянъ, хорватовъ, словаковъ, руснаковъ и другихъ. Такимъ образомъ будущая суть словянскихъ народовъ будетъ опредѣлена ими самими; а кажется роду Романовыхъ нечего бояться народнаго голоса.

Россія надѣется, что это предложеніе будетъ принято и приведено въ скорое исполненіе: она готовитъ списки всеобщіе къ половинѣ іюня нашего стила.

До тѣхъ поръ границы ея (т. е. до рѣшенія вопроса), или лучше сказать границы, ввѣренныя трактатами ея храненію, должны быть неприкосновенны.

Если же, несмотря на это предложеніе, кто-нибудь осмѣлится своевольно или насильно, предупреждая голосъ народа, вторгнуться въ предѣлы, охраняемые государемъ, того встрѣтитъ сила Россіи. За насъ будетъ честность нашего намѣренія, правота нашего дѣла, Богъ и даже совѣсть нашихъ враговъ.

Такое объявленіе могло бы быть сообщено всемъ правительствамъ и народамъ и напечатано во всехъ газетахъ.

Тутъ нѣтъ ни малѣйшей тѣни уступки, ибо исполняется только намѣреніе покойнаго государя, и тутъ же смѣлый вызовъ на бой. Это было бы громовымъ ударомъ, который ошеломилъ бы весь міръ. Все будутъ сбиты съ толку: ни одна собака не осмѣлится брехнуть на государя, и врагамъ останется только мол-

чать или хвалить, хотя бы имъ пришлось подавиться этой невольною хвалою.

Вѣроятныя послѣдствія. При уничтоженіи аристократическаго вліянія и уменьшеніи городского вліянія въ Польшѣ, въ крестьянствѣ оказалось бы много голосовъ въ нашу пользу, а въ Галичѣ большинство (по средству языка и особенно по духовному средству) было бы или за насъ, или, по крайней мѣрѣ, за отдѣльное существованіе, и этимъ самымъ старая, клерикально-аристократическая Польша была бы подорвана навсегда. Въ Литвѣ—то же, или почти то же, вслѣдствіе употребленія литовскаго языка.

Вѣрныя послѣдствія. Государь нашъ сталъ бы выше всей Европы. Предлогъ къ войнѣ устранень: Франція задохнулась бы въ своемъ банкротствѣ; Германія запуталась бы въ вопросахъ о Данцигѣ и въ своихъ неразрѣшимыхъ задачахъ. Мадыры и словяне принялись бы драться черезъ двѣ недѣли и отвлекли бы всѣхъ западныхъ словянъ. Частный вопросъ о Польшѣ потерялся бы въ вопросѣ общемъ, міровомъ, и русскій царь, совершенно свободный въ своихъ дѣйствіяхъ, былъ бы рѣшителемъ и законодателемъ всего европейскаго движенія.

Часть практическая проста. Добросовѣстное заготовленіе списковъ, запрещеніе всѣхъ манифестацій для сохраненія порядка и объявленіе, что всякій безпорядокъ будетъ наказанъ какъ преступленіе противъ законовъ, противъ государя и противъ народа. сильная охрана границъ, строгая казнь противъ зажигателей и разбойниковъ, изгнаніе заговорщиковъ и освобожденіе ихъ имѣній, если они дворяне, и передача имѣній ближайшимъ родственникамъ въ городахъ и тому подобное. Дальше моего ума не хватаетъ.

Виновать,—замечтался. Простите великодушно. Общій недугъ заразителенъ; но за то я отъ него отдѣлался разомъ. Дружба ваша, которою я горжусь, извишитъ длину этого скучнаго письма ради почтенія и преданности, съ которыми честь имѣю быть

Вашъ покорнѣйшій слуга
Алексѣй Хомяковъ.

II.

Нѣсколько словъ по поводу письма А. С. Хомякова къ А. О. Смирновой.

Иначе и не могъ думать Хомяковъ о польскомъ вопросѣ, — онъ жилъ духомъ въ истинѣ соборной церкви Христовой, а не внѣ ея. Его мысль стояла на высотѣ нравственнаго идеала этой истины и съ этой высоты обозрѣвалъ онъ все явленія жизни человѣка и человѣчества.

По слову этой истины, *душа человѣка дороже цѣлаго міра*, ибо есть *храмъ Духа Святаго*. Силою этого слова, поднявшаго жизнь человѣческой души надъ внѣшними, переходящими, условными цѣлями и пользами политическими, государственными и т. п., во имя которыхъ часто посягаютъ на нее, — освящены и неприкосновенность личности человѣка, и свобода развитія и дѣятельности всехъ ея индивидуальныхъ творческихъ силъ.

Этимъ же словомъ, поставившимъ душу человѣка надъ всеми сокровищами міра и освятившимъ ее, освящена еще и другая душа, слагающаяся изъ взаимодѣйствія нравственныхъ личностей, развивающаяся подъ историческими и естественными вліяніями, — *народная душа, народная личность* съ ея индивидуальными творческими силами (народность).

Та же истина, освятившая самобытность и свободу личностей, человѣка и народовъ, произнесла: *да всѣ они едино будутъ*.

«*Свобода въ единствѣ и единство въ свободѣ, свобода въ гармоніи ея проявленій*», согласно выраженію Ю. Ө. Самарина, въ его предисловіи къ III тому сочиненій Хомякова, братство полноправныхъ людей и народовъ, живущихъ свободною, самобытною жизнью — вотъ идеаль, къ которому стремился душой Хомяковъ, въ который онъ вѣровалъ. Прибавимъ — это и нашъ идеаль. Хомякову была дорога самобытная нравственная личность каждаго изъ народовъ, но дороже и ближе его сердцу была самобытность и полноправность каждаго изъ славянскихъ народовъ, какъ потому, что это — родственные намъ народы, такъ и потому, что это народы угнетенные, подавленные хищническими силами, стремящимися стереть съ лица земли ихъ самобытность, а съ нею, такъ сказать, и ихъ самихъ. Не только не исключалъ онъ изъ этого числа поляковъ, но глубоко соболѣзновалъ ихъ печальной участи, какъ сильно подпавшихъ вліянію чуждыхъ и враждебныхъ славянскому міру стихій. Онъ былъ увѣренъ, что придетъ

пора, когда съ воскресеніемъ самобытной, свободной русской жизни воскреснетъ и весь славянскій міръ, какъ *тѣсный братскій* союзъ равноправныхъ, свободныхъ братій славянской семьи, и въ этомъ союзѣ польскій народъ, стряхнувъ съ себя все недоброе, все чуждое его славянской природѣ, разрушившее его государство, вступитъ въ родную ему семью славянъ, какъ полноправный, высоко-даровитый, любящій и любимый братъ. Такое слово Хомякова, воодушевленное искреннимъ, сильнымъ чувствомъ, мы знаемъ не по слуху, а слышали его сами и оно глубоко запало намъ въ душу.

Придетъ пора: минетъ неправда, исчезнутъ искусственныя тѣнѣта, которыя стягиваютъ въ неестественное единство разнохарактерныя народности, заставляя ихъ жить чуждою ихъ индивидуальной природѣ жизнью, и откроется правда въ жизни человѣчества, какъ великой семьи объединенныхъ братскимъ союзомъ народовъ.

Скажутъ можетъ-быть: Все это такъ, но слишкомъ идеально. Это—утопія и, по меньшей мѣрѣ, крайне непрактично, а ужъ въ приложеніи къ свободѣ польскаго народа и политически-невозможно, и не желательно, какъ дѣло опасное, потому-то и потому, и т. д.

Но развѣ непрактичность идеальной истины въ смыслѣ немедленнаго осуществленія ея въ жизни разрушаетъ хоть на волосъ ея правду? Правда, неудовлетворимая въ данное время и при данныхъ условіяхъ, перестаетъ ли быть правдою и какъ таковая обязательною, и не должна ли управлять цѣлями дѣйствій человѣка?

И что можетъ быть непрактичнѣе идеала христіанина, по трудности воплощенія этого идеала въ жизнь? Этотъ идеалъ всецѣло въ заповѣди Христа: «будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть» и — «любите другъ друга любовію, какою Я возлюбилъ васъ». Выполнимо ли это? Развѣ можетъ человѣкъ любить любовію равносильною божественной любви? Развѣ можетъ онъ быть совершенъ, какъ Богъ? При такомъ словѣ Сына Божія всѣ практичныя и искренніе люди должны бы были заткнуть уши и закричать: «Это—утопія, это непрактично!» Тѣмъ не менѣе обязательная правда этого идеала непреложна и тверже всѣхъ основъ міра. Ею поставлена нравственная цѣль, къ которой долженъ стремиться человѣкъ всѣми силами своего духа, и такое стремленіе составляетъ все достоинство и всю красоту человѣческой жизни.

Обязательность нравственного идеала и практическая трудность осуществления его—двѣ могущественныя силы, которыя ведутъ борьбу между собою и, стремясь овладѣть волею человѣка, разрываютъ ее, такъ сказать, на-двое. Стремленіе къ правдѣ, въ которой сущность природы духа, и сознаніе неудовлетворимости этой незаглушаемой жажды правды—страшная дилема.

Какъ рѣшаютъ ее?

Многіе поканчиваютъ дѣло сразу, съ дерзостью меча, разсѣкашаго Гордіевъ узелъ. «Невыполнимо требованіе нравственного идеала,—говорятъ они,—значить, идеалъ этотъ утопія, чуть-чуть не созданіе большого мозга, и обращаются къ нему спиной, а затѣмъ уже и весь идеальный міръ для нихъ становится юродствомъ. «Практика—вотъ моя религія,—продолжаютъ они;—требованіе минуты—вотъ руководящій голосъ; цѣль, къ которой тянетъ непосредственно осязаемый фактъ—вотъ мое божество», и въ честь этого божества безпощадно закаляютъ они множество человѣческихъ жертвъ. Но, позволимъ себѣ замѣтить, эта практическая цѣль, божество практики, пока она еще не достигнута, пока она еще не обратилась въ дѣйствительный фактъ,—еще только мыслится, въ своемъ родѣ еще идеальна, и, несмотря на всѣ расчеты хитраго ума, можетъ не осуществиться, можетъ-быть даже и неосуществима,—въ нее еще вѣруется. Разница между практикомъ и тѣмъ, кого онъ называетъ утопистомъ,—въ различіи ихъ идеаловъ, въ различіи ихъ вѣрованій. И для рѣшительнаго практика существуетъ божество, но только почти всегда противоположное Богу чистой правды. Конечно, для практика, ставящаго себѣ временныя цѣли, не обращая вниманія, противрѣчатъ онѣ закону правды или нѣтъ, временный успѣхъ и довольство несравненно скорѣе обезпечены, чѣмъ для его противника; но за то и дѣло его, большею частію, эфемерно. При прогрессивномъ шествіи человѣчества къ воплощенію правды въ жизни, то, что создано такимъ дѣломъ, или исчезаетъ совершенно съ лица земли, или остаются не безплодными только тѣ послѣдствія его, которыя, вопреки самому дѣлателью, служатъ къ воцаренію истины, отвергнутой имъ. Таковъ законъ и сила правды, положенные въ основы жизни.

Дѣятели этого разряда, по крайней мѣрѣ, имѣютъ за себя искренность ихъ убѣжденій и опредѣленностію характера своей дѣятельности образуютъ все-таки силу, которая заставляетъ ярче выступать нравственный идеалъ, отброшенный ими, и удесяте-

ряютъ, во всякомъ случаѣ, рано или поздно побѣдоносную энергію подвижниковъ чистой правды.

Но существуютъ другіе дѣятели, которые признаютъ, какъ имъ самимъ кажется, красоту и правду нравственного идеала, не отрицаютъ его обязательной силы; но только онъ для нихъ имѣетъ значеніе чисто-внѣшняго *закона*, установленнаго какою-то, внѣ ихъ существующею, властью, предъ которой они не смѣютъ не преклониться, — значеніе какого-то *предписанія*, откуда-то полученнаго. Они предъ нимъ благоговѣютъ и боятся не исполнить его приказаній, пока, впрочемъ, такое исполненіе на ихъ взглядъ возможно и, главное, удобно. При малѣйшемъ практическомъ затрудненіи, особенно когда внѣшній реальный фактъ, требующій иного, бросается имъ въ глаза, тѣснить ихъ со всѣхъ сторонъ, манить ихъ блескомъ успѣха или грозить карой за непокорность себѣ, — они безъ борьбы, быстро отступаютъ, ловко обходятъ повелѣнія нравственного закона и даже нерѣдко, надѣвъ личину служенія правдѣ, обманывая и себя и другихъ, рабски идутъ туда, куда влечетъ потокъ сплетеній всѣхъ случайностей дѣйствительности. Въ нихъ нѣтъ той внутренней силы, въ которой коренится нравственный идеалъ, столько же живой и реальный, какъ и всѣ прочія силы природы; въ нихъ нѣтъ той нравственной мощи, которую они могли бы противопоставить силамъ внѣшней жизни, овладѣть ими и направить ихъ къ нравственнымъ цѣлямъ. Это люди измѣны, низкаго слабодушія, — тѣ, про которыхъ говорится, что они «ни Богу—свѣчка, ни чорту—кочерга»; это люди безъ внутренней силы, безъ содержанія, — тѣ, про кого сказано въ книгѣ Откровенія: такъ какъ ты «ни теплъ, ни студень, из-блевати ти отъ устъ моихъ имамъ» *).

Много званыхъ къ воздѣлыванію почвы жизни для насажденія въ ней правды, но мало избранныхъ. Только въ душѣ этихъ избранныхъ живетъ всецѣло нравственный идеалъ во всей своей чистотѣ, какъ внутренняя сила. Воплощаясь въ ихъ дѣятельности, она становится живою дѣйствительностью. Никакія внѣшнія препятствія, никакія страданія не въ силахъ истощить ихъ нравственной энергіи; они зорко видятъ всѣ возможности къ осуществленію живущей въ нихъ правды и усматриваютъ открытый путь для нея тамъ, гдѣ другія видятъ только препоны. Побѣжденные противодѣйствующими имъ силами на одномъ

*) Апок. глава Г, зач. г.

пути, они открываютъ себѣ новый, расширяютъ его и успѣхомъ своимъ колеблютъ основанія даже тѣхъ препятствій, которыхъ не могли одолѣть на прежнемъ. Вѣрные до гробовой доски своему идеалу, не измѣнивъ ему ни на одно мгновеніе, они умираютъ добрыми подвижниками. Пусть не осилили они многого, пусть издѣвается надъ ними самодовольная, близорукая практика, отказавшаяся отъ всякой правды, нагромоздившая множество ложныхъ боговъ, — ихъ дѣло не осталось безплоднымъ: неустанною, полною вѣры въ правду, дѣятельностію ихъ уже разбиты пьедесталы этихъ идоловъ и цѣлыя массы людей не сжигаютъ уже суетвѣрныхъ жертвъ въ честь и славу этихъ ложныхъ, когда-то славимыхъ, божествъ. Пусть эти доблестные подвижники не окончили своего дѣла, но они приготовили поле для множества иныхъ и, можетъ-быть, болѣе ихъ сильныхъ дѣятелей, которыхъ энергія воспламенена ихъ духомъ и подвигомъ. Они — тѣ живыя силы, которыя уничтожаютъ противорѣчія между идеаломъ и дѣйствительностію. Въ энергіи дѣятельнаго стремленія ихъ къ недостигаемой правдѣ воплощается ея животворящая сила и въ личности человѣка, одушевленнаго нравственнымъ идеаломъ, живетъ она реальною жизнью. Это и передовые борцы за свободу личности человѣка и личности народной, безъ которыхъ немыслима никакая правда на землѣ; каждый шагъ ихъ въ этой борьбѣ — непремѣнная побѣда, какъ ни скрывалась бы она даже отъ ихъ собственныхъ взоровъ, и полный успѣхъ ихъ дѣла несомнѣненъ въ будущемъ. Причина тому проста и естественна: работа ихъ направлена къ тѣмъ же цѣлямъ, къ которымъ направлены и всѣ живыя силы человѣчества.

А. С. Хомяковъ принадлежалъ къ людямъ послѣдней категоріи: нравственный идеалъ, имъ исповѣданный, былъ для него живою, реальною силою. Онъ имъ жилъ и работалъ на него неутомимо всѣми силами своего ума и своего слова, вдохновляемый вѣрою въ окончательное торжество правды.

Была ли мечтою эта вѣра и несбыточными упованія ея? — Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, — ходъ исторической жизни человѣческой оправдываетъ ихъ и утверждаетъ несомнѣнность реализаціи ихъ въ жизни человѣчества.

Въ нашей небольшой статейкѣ, имѣющей цѣлью только освѣтить, съ точки міросозерцанія Хомякова, его принципиальный взглядъ на то, какъ мы должны относиться къ польскому народу, — взглядъ, въ высшей степени намъ сочувственный, — мы не

будемъ слѣдить за развитіемъ жизни человѣчества, несомнѣнно идущей впередъ къ полнѣйшему раскрытію всего разнообразія силъ, заложенныхъ въ природѣ человѣка и въ природѣ различныхъ народовъ, и къ гармоніи ихъ свободныхъ творческихъ проявленій. Мы укажемъ только на то, что всѣ силы человѣчества въ его историческомъ развитіи устремлены на осуществленіе въ жизни того нравственнаго начала, которое съ такою яркостью выяснилъ Хомяковъ и которому служилъ онъ неизмѣнно своимъ словомъ.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ право человѣка на свободу совѣсти и мысли и на свободное самоопредѣленіе было признано и провозглашено и къ высвобожденію личности его отъ всѣхъ бытовыхъ формъ, стѣснявшихъ свободу человѣка и унаследованныхъ отъ прежнихъ вѣковъ, устремилась всѣ живыя силы западныхъ просвѣщенныхъ народовъ. Послѣ цѣлаго ряда политическихъ переворотовъ и могущественнѣйшаго изъ нихъ во Франціи, въ концѣ прошлаго столѣтія, свобода и неприкосновенность личности каждаго человѣка и равноправіе всѣхъ людей, къ какой бы національности они ни принадлежали, стали догмами передоваго человѣка. Но эти догмы, исходя изъ борьбы за свободу мысли, самаго космополитическаго элемента внутренней жизни человѣка, съ космополитическою же властію Римской церкви, и будучи результатами рационалистическаго развитія человѣческаго сознанія, могли опредѣлить и опредѣлили личность человѣка въ ея космополитическомъ значеніи—и утвердили только юридическую, гражданскую полноправность и юридическую, гражданскую равноправность всѣхъ людей. При космополитическомъ пониманіи личности человѣка и государство получило космополитическій характеръ. Понятое въ этомъ смыслѣ государство, такъ сказать, уполномочивалось не признавать права на существованіе за тѣмъ, что мы называемъ народностью, лишь бы были гарантированы имъ гражданская свобода и юридическое полноправіе его гражданъ. Для этой цѣли оно имѣло право не обращать вниманія на голоса различныхъ народностей, замещаванныхъ въ предѣлы одного и того же государства, требовавшихъ правъ на индивидуальное, самобытное самоопредѣленіе. Космополитическія государства могли, вступая другъ съ другомъ въ соглашеніе, опредѣлять свои границы, не соображаясь съ желаніями народовъ, и разрѣзывать живые организмы этихъ народовъ, руководясь иными соображеніями.

Но личность человѣка не исчерпывается космополитическою стороною ея жизни,—она имѣетъ плоть и кровь и одарена инди-

видуальною самобытностью и творческими силами, отмѣченными определеннымъ, общимъ имъ характеромъ. Ей недостаточно только огражденія ея отвлеченно-человѣческихъ правъ, — для нея необходима нравственная возможность и матеріальная обеспеченность прилагать присущія ей живыя силы къ дѣлу, направлять ихъ къ ея индивидуальнымъ цѣлямъ и пользоваться всеми плодами своихъ трудовъ. Человѣкъ есть индивидуально-творческая разумная сила; она вся въ его трудѣ. Матеріальный или духовный трудъ человѣка и результаты, плоды этого труда, суть воплощенія нравственной личности человѣка. Поэтому гарантія правъ человѣка на свободу труда и на средства трудиться во всю полноту своихъ индивидуальныхъ силъ и гарантія правъ его на плоды его труда составляютъ обезпеченіе для него возможности пользоваться не только законною свободою полноправнаго гражданина государства, но и человѣка вообще.

Но живая личность человѣка не можетъ оставаться равнодушною къ той средѣ людей, въ которой онъ живетъ и дѣйствуетъ, немислима внѣ ея. Она можетъ развить свои силы во всю ихъ полноту только среди родственныхъ ей по характеру нравственныхъ силъ, среди людей сочувствующихъ ей и съ нею гармонирующихъ, въ средѣ народности, къ которой она принадлежитъ. Право на неприкосновенность живой личности человѣка необходимо влечетъ за собою право на неприкосновенность и живой личности народа, съ которыми она органически связана.

Право человѣка на обезпеченность свободнаго труда и право народа на самоопредѣленіе, согласно своимъ народнымъ стихіямъ, соединены неразрывно.

Самоопредѣленіе личности человѣка въ свободѣ самостоятельнаго, обезпеченнаго труда и самоопредѣленіе личности народной въ свободѣ развитія своихъ индивидуальныхъ стихій — вотъ два требованія, которыя владычно поставлены живыми силами человѣчества на современной ступени его развитія. Отъ выполнения ихъ нѣтъ возможности уклоняться въ наше время въ дѣлѣ прочнаго устроенія жизни народной, ибо все, что противорѣчить имъ, рано или поздно рухнетъ неминуемо.

Къ удовлетворенію перваго требованія направлены все стремленія и движенія, называемыя социальными, и положительныя и отрицательныя, и созидательныя и разрушительныя. О нихъ мы не будемъ здѣсь упоминать, но остановимся на второмъ требованіи.

Право народовъ на индивидуальное, свободное, самобытное самопредѣленіе, въ наше время, не есть уже только выводъ какой-нибудь отвлеченной теоріи, не составляетъ предмета неосуществимыхъ мечтаній, а частію уже стало живымъ фактомъ. Оно не есть только, не имѣющая для себя никакой правовой опоры, цѣль стремленій народностей, у которыхъ отнята возможность жить самостоятельною, свободною жизнью, но уже стало правомъ, признаннымъ вообще въ принципахъ международными актами, которыми, на основаніи общей подачи голосовъ, создано государство Италиі, соединены воедино Придунайскія княжества и т. д. Принципомъ народности руководились государства Европы при рѣшеніи народныхъ и международныхъ вопросовъ съ 1850 до 1871 г., до той поры, когда торжествующій германскій князь, послѣ побѣднаго торжества надъ Франціей, объявилъ, что верховными судьями народовъ и строителями государствъ должны быть, какъ и въ средніе вѣка, желѣзо и кровь, а право—на остріи меча.

Пусть мечтаетъ Германія, что можетъ возобновить и упрочить этотъ обветшалый и ненавистный для XIX вѣка принципъ, и въ политикѣ слѣдуетъ системѣ насильственныхъ захватовъ для упроченія гегемоніи германскаго племени надъ сосѣдними слабыми славянскими народностями и гегемоніи Пруссіи надъ всѣмъ нѣмецкимъ племенемъ,—Пруссіи, владѣвшей до того времени преимущественно не нѣмецкою почвой, а польскою, и господствовавшей надъ народомъ, составленнымъ, въ огромной массѣ, изъ элементовъ не нѣмецкаго происхожденія. Дѣло Германіи непрочно,—она скопляетъ на головы своихъ народовъ грома исторической Немезиды. Нельзя пятить человѣчество назадъ. Сознаніе народовъ, угнетенныхъ чужеземнымъ игомъ, уже окрѣпло и набирается силъ, а энергія ихъ растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Намъ ли, русскимъ, идти по слѣдамъ этой запоздалой политики, утверждающей свою силу на заговорѣ противъ народовъ, насиліи, коварствѣ, да на пушкахъ и штыкахъ? Всякій шагъ нашъ на этомъ пути приноситъ неисчислимыя выгоды врагамъ нашимъ, а намъ и славянству—одно зло, обливаетъ наше сердце горечью сожалѣнія о бесплодности совершенныхъ нами подвиговъ, вырываетъ изъ рукъ нашихъ лучшіе плоды понесенныхъ нами великихъ трудовъ. Какая была намъ польза, напр., отъ знаменитаго, такъ-называемаго, священнаго союза?—Онъ сдѣлалъ насъ жертвою политики Метерниха, отдавъ въ плѣнъ и на службу Германіи, и связавъ насъ по рукамъ и ногамъ....